

Протасова Ольга Львовна

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ОЦЕНКЕ
РОССИЙСКОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА НАЧАЛА XX В.**

В статье показано отношение к различным средствам и методам политической борьбы наиболее известных и авторитетных неонароднических партий России начала XX века - партии социалистов-революционеров (ПСР) и народно-социалистической партии (НСП, с лета 1917 г. - Трудовой народно-социалистической партии, ТНСП). Особое внимание уделено оценке революционными и эволюционными неонародниками террора, который многие из них считали крайним, но необходимым и эффективным средством воздействия на власть при существующих на тот момент в стране общественно-политических условиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/30.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 124-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 947

Исторические науки и археология

В статье показано отношение к различным средствам и методам политической борьбы наиболее известных и авторитетных неонароднических партий России начала XX века – партии социалистов-революционеров (ПСР) и народно-социалистической партии (НСИ, с лета 1917 г. – Трудовой народно-социалистической партии, ТНСИ). Особое внимание уделено оценке революционными и эволюционными неонародниками террора, который многие из них считали крайним, но необходимым и эффективным средством воздействия на власть при существующих на тот момент в стране общественно-политических условиях.

Ключевые слова и фразы: неонароднические партии; демократический социализм; эсеры; народные социалисты; эволюционные и революционные методы; политическая борьба; террор.

Протасова Ольга Львовна, к.и.н., доцент

*Тамбовский государственный технический университет
olia.protasowa2011@yandex.ru*

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА НАЧАЛА XX В.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
Отделение по гуманитарным и общественным наукам (ранее – РГНФ), проект № 15-01-00157а.*

В России начала XX века шел чрезвычайно динамичный процесс формирования политических партий, означавший, что модернизация охватила не только экономическую, но и социально-политическую сферу страны. Все шире развивался общественный активизм, и все виднее становились ростки гражданской политической культуры, уверенно пробивавшиеся сквозь слой традиционной русской патриархальности. Видную роль на российской политической арене стали играть неонароднические партии – социалистов-революционеров (эсеры) и народных социалистов (энесы); и тех и других относят к направлению, именуемому ныне «демократическим социализмом» – в отличие от предложенного большевиками командно-административного варианта социализма. Идейно эти партии роднило довольно многое. И для эсеров, и для народных социалистов основным критерием деления общества на классы являлось не отношение к собственности, а источник дохода, поэтому в одном лагере оказывались те классы, для которых таким источником служила эксплуатация чужого труда, а в другом – классы, живущие своим трудом («трудовой народ»). К последним относились пролетариат, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция. Крестьянство являлось предметом особого внимания неонароднической теории, так как по своей численности и экономическому значению оно было, по мнению эсеров, «немного не всем», в то время как по своему правовому и политическому положению – «чистым ничем» [16]. Это было актуально именно для России – крестьянской страны; вообще же весь «трудовой народ» в своем триединстве для неонародников был неразделим. Стоит отметить, что в этом смысле социальная концепция народников по своему демократизму превосходила марксистскую, выдвигавшую в качестве главного прогрессивного класса пролетариат и ранжировавшую трудовой элемент по степени революционной полезности. У неонародников не было тяги к «европеизму», свойственной сторонникам марксизма, зато их анализ российской социальной действительности был более обдуманым и реалистичным – народную жизнь они знали гораздо лучше отечественных марксистов.

По количественным составам и степени политического влияния ПСР и ТНСИ несопоставимы: эсеры стали самой массовой партией предоктябрьской России, набрав к осени 1917 г. миллион членов; народные же социалисты не были склонны к политическому «прозелитизму», и их численность не выходила за рамки 1,5-2 тысяч человек. Однако у обеих партий были общие народнические корни, опыт совместной общественной деятельности и, пожалуй, равно прогрессивные программы, в которых легко заметить стремление к тому, что сейчас принято называть гражданским обществом и «социальным государством».

Ведущие деятели этих партий не теряли надежды на объединение вплоть до конца 1905 года, когда состоялся учредительный съезд ПСР, окончательно выявивший базовые программные несогласия и, главное, разное отношение к методам политической борьбы революционных и эволюционных неонародников. Эти расхождения сделали невозможным создание в России единой неонароднической партии.

На 1-м съезде ПСР (декабрь 1905 г. – январь 1906 г.), состоявшемся на Иматре, принимался Устав партии. Если у эсеров к этому времени уже был достаточно солидный стаж деятельности в рамках партийной организации, громкое имя и сложившаяся политическая концепция, то народно-социалистическая партия находилась в тот момент в «эмбриональном» состоянии: она еще только формировалась в рамках редакции «Русского богатства», однако рабочее название «народные социалисты», по свидетельствам очевидцев, уже появилось. Активисты-общественники из «Русского богатства» – В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский и солидарный с ними, но не вошедший затем в НСИ П. Ф. Якубович – были приглашены на съезд. В советский период была распространена точка зрения о том, что народные социалисты вышли из правого крыла эсеров. Вряд ли это может соответствовать действительности. А. В. Пешехонов неоднократно повторял,

что к партии эсеров никогда не принадлежал. ПСР до конца 1905 г. не была оформлена окончательно – фактически действовала она уже давно, однако уставные документы приняты еще не были, и ряд концептуальных вопросов не получил окончательного программного завершения. Для этого нужен был учредительный съезд. Сотрудничество представителей народнических течений вполне могло быть и было, особенно публицистического рода, но на «дружеской», «товарищеской», неформальной основе. «Права представительства на партийном съезде мы еще не имели, – вспоминал Пешехонов, – но были там... желанными гостями» [7, с. 329]. Подчеркнем: именно гостями, – если бы Пешехонов с товарищами действительно входили в состав партии, у них, конечно, было бы право представительства. Так как не планировалось формального размежевания (что могло бы произойти, если бы в ПСР имелось настоящее правое крыло из будущих энесов), то, вполне естественно, подразумевалась возможность оформления единой неонароднической партии – эсеров.

Однако представители «Русского богатства» поставили вопрос об образовании новой открытой партии, способной сплотить массы и, возможно, даже приостановить правительственную реакцию. В то же время у них оставались сомнения, не придется ли в полицейских условиях вновь вернуться к террористическим методам, дававшим в прошлом ощутимые результаты. Поэтому будущие лидеры НСП планировали сохранить боевые функции за старой организацией – строго конспиративной и совершенно самостоятельной, – а параллельно с ней создать партию открытую, построенную на демократических началах – с подотчетностью и контролем. Внутри НСП «узкоспециальная» террористическая организация создана так и не была (социальный состав партии, в основном интеллигентский и не слишком «молодой», чтобы тяготеть к экстремизму, исключил такую возможность). В крайних случаях народные социалисты оставляли за собой право оказывать некоторое содействие Боевой организации эсеров. Правда, после окончательного партийного размежевания таких случаев отмечено не было. На упреки в легализме энесы всегда отвечали с большим достоинством, подчеркивая, что легальность и открытость – не одно и то же. В дальнейшем, создав свою партию, энесы исповедовали неписанный моральный кодекс, отвергавший неразборчивость средств в достижении цели, исключавший прием в партию лиц с плохой общественной репутацией. Открытость их партии лишала смысла политическое провокаторство, столь распространенное в межреволюционный период в нелегальной партийной среде.

Расхождения с эсерами коснулись и программного пункта: народные социалисты не вписали в свой проект программы требования республики, в чем эсеры усмотрели желание приспособиться к полицейским условиям того времени. «Если в программе н.-с. партии не было “республики”, то было полное “народовластие”, – мы сознательно предпочитали сущность форме, – пояснял позже Пешехонов. – В программе, кроме того, было “Учредительное собрание”, наличность какового по тогдашним временам ни в каком случае не могла содействовать приспособлению» [Там же, с. 330-332]. Критике подверглось также отсутствие у умеренных народников разделения программы на «минимум» и «максимум». «Мы все тут не верим в грандиозный мгновенный прыжок в царство грядущего социализма, – заявил на том же съезде В. А. Мякотин. – Власть капитала может быть не только низвергнута, но и ограничена при помощи государственного контроля или путем привлечения рабочих к управлению промышленными заведениями. Наша программа, в отличие от с.-д., революционна не только в конечном пункте, но и на всем протяжении пути к социализму, и ее нельзя делить на две части» [Там же, с. 334]. Само понимание «революционности» у энесов было, как можно увидеть, более философским, стратегическим, и это затрудняло понимание прогрессивности взглядов деятелей данной партии ее оппонентами, более привычными к трактовке революции как резкого системного переворота, совершаемого насильственными средствами, подавляющими сопротивление старой системы.

Съезд по своему составу был очень пестрым. «Всю эту разноголосицу приводил к некоему общему знаменателю В. М. Чернов. Он был головой выше других членов съезда... В то время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы и так, и так» [11, с. 686], – рассказывает М. В. Вишняк. Однако дипломатического таланта Чернова оказалось недостаточно для того, чтобы склонить группу «Русского богатства» на сторону нелегальности, тактических крайностей, социализации земли, неременного и срочного требования республики и пр. Правые народники ушли со съезда; помимо них, съезд покинула крайне левая группа партии – близкие к анархистам эсеры-максималисты, недовольные включением в партийную программу пункта «минимум».

Проблема соотношения эволюционных и революционных форм прогресса традиционно диалектична, а для партий российского демократического социализма она особенно актуальна и сложна. Если с народными социалистами было более или менее ясно – они предпочитали эволюционизм и в свое время отказались вставить в название партии слово «революционеры», то вопрос о революционизме эсеров, по-разному относившихся к методам и средствам борьбы за социальную справедливость, является дискуссионным и непростым. Партия никогда не отличалась монолитностью, в ней было несколько течений, разногласия между которыми, в том числе по поводу методов борьбы, обострились в ходе Первой мировой войны и достигли крайней степени летом – осенью 1917 г. Однако и раньше фракционность в партии была налицо. Так, правые эсеры (самые умеренные) к революции относились с большой оглядкой. М. В. Вишняк, вместе с А. И. Гуковским, В. В. Рудневым, Н. Д. Авксентьевым и другими примыкавший к данному сектору партии, объяснял свое отношение к «революционной» части партийной программы: «Я, как мог и сколько мог, сопротивлялся революции, отвергая ее по ряду оснований. И если мне пришлось стать революционером, это случилось вопреки моей воле, – не по соображениям разума, а по велению совести» [1, с. 137; 2, с. 99]. Не принимая революции по моральным соображениям, он был вынужден участвовать в протестном движении студенчества, так как «это требовало чувство элементарной солидарности и товарищества» [1, с. 137]. Из этих слов нетрудно

понять, что человеку иногда приходилось подчиняться основной партийной линии при неприятии отдельных практикуемых организацией средств.

В. М. Чернов, самая яркая фигура «центра» партии, оставил значительное количество письменных рассуждений по поводу методов борьбы, и общий смысл их был таков: революцию следует рассматривать не как противоположность эволюции, а как «совокупность многих ее моментов, одни из которых должны носить боевую, другие – мирную внешность» [14, с. 13]. К 1917 году Чернов признал, что «прошли те времена, когда социализм мог надеяться осуществить свои конечные требования разом, одним ударом перестроив все современное общественное здание снизу доверху» [Там же, с. 19], поэтому необходим поиск переходных ступеней, последовательное одоление которых и будет настоящим путем прогресса. Приведенный тезис явно перекликается со скептическим отношением энесов к скачкообразным социальным переменам, высказанным ими еще на первом съезде ПСР. Политическая зрелость, накопленный опыт работы на реальной, а не умозрительной политической арене сделали многих эсеров гораздо более умеренными, чем в период пламенной молодости. Эсеры, намечая «конечную цель», достижением которой должно было увенчаться их движение по пути социального прогресса, воспринимали ее не как абсолют, дальше которого уже ничего нет, а как общий принцип, в котором суммировались бы все их частные цели.

Левый фланг, представленный в 1917 г. М. Спиридоновой, Б. Камковым, Ю. Саблиным и др. и отколовшийся в отдельную партию, в своем революционаризме доходил до так называемого либертаризма – отрицания государства как института, в перспективе ненужного социалистическому обществу. Блок левых эсеров с большевиками осенью 1917 г. красноречиво свидетельствует об отношении левоэсеровской группировки к революции, радикализму и вообще морали в политике.

Интересен вопрос об отношении эсеров к террору. Несмотря на то, что ПСР многие воспринимали как партию, прежде всего, террористическую (вспомним знаменитое «эсер без бомбы не эсер»), террор был отнюдь не основным смыслом партийной деятельности, хотя по сей день именно «Боевая организация» эсеров остается своеобразным символом борьбы революционно настроенной части общества с царским самодержавием. На сегодняшний момент «выявлено свыше 90 тысяч человек, так или иначе причастных к террору. Из-за конспирации установить реальное число участников не представляется возможным. За все годы функционирования группы в “Боевую организацию” входили 72 мужчины и 19 женщин» [17].

«Самый характер террористической борьбы, связанной прежде всего с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств» [15, с. 2], – пояснял позицию по отношению к террору еще формировавшейся тогда партии социалистов-революционеров ее идеолог В. М. Чернов. По его убеждению, успешный террористический акт против одного человека, ставшего причиной страданий тысяч людей, вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен изменить взгляд этих тысяч на революционеров и смысл их деятельности. Действительно, массовой популярности ПСР достигла не в последней степени благодаря терроризму. Покушения на «сатрапов», предпринятые эсерами, способствовали деморализации сановных лиц и, как следствие, ослаблению государства. Германский исследователь Л. Хэфнер утверждает, что «подспудный смысл терактов заключался в их пропагандистском эффекте: в партию живо начали стекаться представители всех сословий, включая соратников из социал-демократического лагеря, желавших в рядах боевой организации внести свою лепту в низвержение старого режима» [13, с. 108]. Повышению политического «статуса» ПСР как силы, активно дискредитирующей самодержавие, способствовало и широкое освещение ее террористической деятельности в европейской печати. У европейской публики из либерального и социалистического лагерей эсеровский террор вплоть до октября 1905 г. вызывал положительные отклики. Однако позже, когда террористические акты стали менее адресными, более произвольными и не согласованными с руководством партии (против чего и предостерегал Чернов), отношение к русскому террору европейской общественности стало, мягко говоря, прохладным.

Ратуя за применение в особых случаях террористических средств, эсеры подчеркивали, что террор для них – не автономная, самодовлеющая система борьбы, а часть, входящая в систему «партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство». Для партии в целом террор не был главным, центральным тактическим пунктом, но он был пунктом безусловно значимым, так как являлся средством резонансным и отчаянным. Непременное условие: террор, по мнению эсеровских лидеров, должен находиться под строжайшим контролем партии, террористические мероприятия должны проводиться не одиночками, а исключительно в рамках партийной деятельности [15, с. 2-3].

После 1911 г. происходило угасание террора, так как многие эсеры разочаровались в нем, укрепляясь во мнении, что массовая социалистическая партия не должна заниматься терроризмом [4, с. 39]. Эсеры заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя [Там же, с. 40]. Таким образом, в результате в партии возобладала на этот счет разумная, прагматическая точка зрения, которая в целом характеризует эсеров как партию, не идущую на чрезвычайные меры без крайней необходимости, партию, ориентирующуюся на здравый смысл и твердые этические установки при ведении своей политической линии.

Народные социалисты в подавляющем большинстве своем были врагами всякого экстремизма – политического, экономического, морального. Они были единственной партией народнического типа, исключившей из своей тактики политический террор [12]. Правда, следует сказать, что не у всех членов народно-социалистической партии было одинаковое, однозначно негативное отношение к террору, независимое

от политических реалий. Дальше всех от террора «отстоял» Н. Ф. Анненский, принадлежавший к старшему поколению народных социалистов. Его до глубины души возмущало утверждение, что ради общего блага можно не останавливаться перед жертвами; столь же неприемлема для него была и мысль о насильственном захвате власти [Там же]. По воспоминаниям П. Н. Милокова, своим благоразумием Николай Федорович выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев» [3, с. 238]. Лидеры энесов А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин одно время – в начале своей политической практики – испытывали некоторый интерес к террору (оправдывая его, конечно, лишь в самых крайних случаях, которых, по несчастью, было много в эпоху «беззакония и рабства»). Причины террора и провокации, по мнению народных социалистов, коренились в самой политической системе Российской империи, в создании которой непосредственно участвовала власть и, следовательно, каждый ее отдельный представитель. Здесь их позиция примыкала к позиции Чернова и большей части эсеровской партии, шедшей за ним в этом вопросе. Развитие провокаторства, явления безусловно мерзкого и аморального, – часть государственной политики, за которую и несут ответственность власть имущие. Убитый в 1911 г. Столыпин получил по заслугам: он поддерживал, пестовал эту систему предательства, поэтому сам виноват, что пал ее жертвой – таков был лейтмотив публикаций «Русского богатства» на смерть реформатора [14; 15]. «Важнейший вывод проведенного народными социалистами исследования о связи террора с государственной властью получил особое звучание после октябрьской революции 1917 г., когда террор стал основным средством управления государством» [12], – справедливо подчеркивает А. В. Сыпченко. К этому моменту окончательно «повзрослевшие» энесы, как и большинство эсеров, уже давно считали террор методом, для демократических партий категорически неприемлемым.

Несмотря на упреки со стороны левых партий (прежде всего, конечно, большевиков) в «срединности» между социализмом и либерализмом, энесы всегда отличалась самостоятельностью гражданской позиции, последовательностью курса и верностью своим идейным установкам. И до, и после Манифеста 17 октября 1905 г. они настаивали на продолжении борьбы за демократизацию государственного строя и за Учредительное собрание, которое считали единственным средством покончить с засильем старой власти и притом легально – через волеизъявление народа. Но, допуская возможность решения вопроса о власти и об Учредительном собрании силой, они проявляли беспокойство, как бы эта борьба не стала кровопролитной. В этом отношении они положительно оценивали Манифест, создавший ограниченные, но реальные возможности избежать крайнего варианта развития событий: «Одна из главных задач заключается в том, чтобы изменить соотношение сил революции и реакции. Не следует забывать, что главное оружие первой – не револьвер, а идея» [8, с. 152]. Легальные народники также предостерегали против увлечения какой-либо одной формой борьбы, отмечая, что народовольчество едва ли так скоро было бы надломлено, если бы не отдало все свои боевые силы одному лишь террору. Они предупреждали и от других крайностей. Так, успех Октябрьской забастовки 1905 г. побудил многих «смотреть на эту форму борьбы как на некое универсальное средство» [9, с. 179]. Залог успеха революции энесы видели не в радикализме ее средств как таковом, а в их гибкости и разнообразии, что обеспечивало революции максимально широкую поддержку общества.

Твердая убежденность народных социалистов в необходимости открытой партии, использующей преимущественно парламентские средства политической борьбы и активно взаимодействующей с общественными организациями, вызывала искреннее уважение в определенных кругах российского общества, в первую очередь интеллигенции. Однако для «простой» публики во всем этом было мало героизма и романтики. Напротив, ореол борьбы и мученичества, окружавший эсеров благодаря, прежде всего, террористическим «крайностям», привлекал в их ряды неопитов из «народа», но нельзя сказать, что именно эта масса определяла интеллектуальный облик и формировала базовые ценности партии. Приверженность эсеров-нерадикалов демократизму, морали и человечности нашла подтверждение и в 1917 году, когда они, следуя данным принципам, упустили шанс стать партией власти, ибо для этого требовались жесткость, жестокость и известный политический цинизм. Период от Февраля к Октябрю, когда неонародническим партиям довелось попытаться воплотить свои политические идеи на практике, выявил предпочтение, отдаваемое демократическими социалистами *движению* – поступательному развитию по демократическому пути и постепенному освобождению страны от векового гнета и темноты перед *целью* – намеченным в программах социалистическим идеалом, прекрасным, но недостижимым без долгих лет движения. В этом отношении между легальными и революционными неонародниками сходства оказалось значительно больше, чем различий.

Список источников

1. Вишняк М. В. Встречи с А. Р. Гоцем // За свободу. 1947. № 18. С. 136-143.
2. Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
3. Милоков П. Н. Воспоминания: в 2-х т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. 274 с.
4. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37-55.
5. Пешехонов А. В. За уходящей волной (по поводу смерти Столыпина) // Русское богатство. 1911. № 9. С. 166-171.
6. Пешехонов А. В. На очередные темы. Не добром помянут // Русское богатство. 1911. № 10. С. 115-141.
7. Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. № 11-12. С. 327-350.
8. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 10. С. 151-184.
9. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 11-12. С. 176-202.
10. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

11. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М.: РОССПЭН, 1997. 750 с.
12. Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор [Электронный ресурс]. URL: <http://memo.ru/history/terror/sypchenko.htm> (дата обращения: 05.05.2017).
13. Хэфнер Л. «Товарищи» или «наши друго-враги»? Аграрный вопрос, терроризм и взаимоотношения партии социалистов-революционеров с немецкой и российской социал-демократическими партиями в 1902-1914 гг. // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 101-116.
14. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Изд-во Ревельского Комитета ПСР, 1917. 32 с.
15. Чернов В. М. Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. Июнь. № 7. С. 2-6.
16. http://otherreferats.allbest.ru/history/00032789_0.html (дата обращения: 13.08.2017).
17. <http://rusplt.ru/fact/esser-10101.html> (дата обращения: 21.06.2017).

REVOLUTIONARY AND EVOLUTIONARY METHODS OF POLITICAL STRUGGLE IN THE EVALUATION OF RUSSIAN NEO NARODNIKI MOVEMENT OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Protasova Ol'ga L'vovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The article shows the attitude to different ways and methods of political struggle among the most popular and authoritative Russian parties of neo Narodniki movement of the beginning of the XX century – The Party of Socialists-Revolutionaries and The Popular Socialist Party (from summer 1917 – Labour Popular Socialist Party). Special attention is paid to perception of terror which many revolutionary and evolutionary neo Narodniks considered the utmost but necessary and efficient means to influence the power under existing socio-political conditions in the country.

Key words and phrases: parties of neo Narodniki movement; democratic socialism; socialists-revolutionaries; popular socialists; evolutionary and revolutionary methods; political struggle; terror.

УДК 167.7

Философские науки

В данной статье автор исследует понятие «функция» в отношении к механическим, химическим и биологическим процессам. Показано, что функция в переходе от механики к химии, от химии к биологии становится более сложной. Автор указывает на то, что существует единство функционирования во всех формах от механики до биологии. Эти формы есть разные типы взаимной зависимости. Эволюция этих форм – качественное изменение данной взаимозависимости в тенденции «стихийность – организованность – целесообразность».

Ключевые слова и фразы: функция; структура; методология; диалектика; механика; химия; биология; саморазвитие.

Резванова Лариса Анатольевна, к.ю.н., доцент

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
LRezvanova1@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПОНЯТИЯ «ФУНКЦИЯ» В МЕХАНИЧЕСКОМ, ХИМИЧЕСКОМ И БИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Понятие «функция» достаточно широко распространено в литературе. Очень часто упоминают о функции различных общественно-социальных образований. Не менее часто о функции говорят как о некоторой жизне-способности или жизнепроявлении какой-то природной структуры, например органа тела. Так, можно в научной или справочной литературе прочитать, что функция глаза – видеть, функция уха – слышать, функция руки – хватать и удерживать и т.д. В этих своих простых экспозициях функция представлена как некоторое проявление структуры или явление сущности. При этом сами эти проявления или явления выглядят как застывшие в пространстве дискретные акции. И это есть простой вид функции [4, с. 55].

Такая ситуация возможна. Однако она не исчерпывает представленность функции. Конечно, на первый взгляд понятие «функция» кажется достаточно простым. На самом же деле функция представляет собой сложное образование, сущность которого можно раскрыть только при условии рассмотрения ее в методологическом аспекте, или в аспекте генезиса (становление – развитие – метаморфозы).

Так бывает, когда исследователь «держит на ладони» эту функцию и пытается методом суммирования различных ее видений дать обобщенное – и, как ему кажется, целостное – определение. На самом деле такому исследователю невдомек, что он лишь однобоко суммирует бесконечность своих собственных видений, отражающих эксклюзивно представленный ему образ исследуемого предмета, являющийся способом, или методом такого формального обобщения. Этот образ (можно сказать, «эйдос») может вообще иметь отдаленное – отчужденное и даже фетишистское – отношение к тому предмету, функцию которого мы пытаемся определить.

Теоретическим аналогом простой формы функции является алгебраическая зависимость, символически представленная формулой $y = f(x)$. Она символически фиксирует факт зависимости одной величины от другой,